

УДК 141.3

DOI: 10.34670/AR.2023.44.85.035

Философия русского космизма: научный и религиозно-эстетический аспекты**Федоров Андрей Игоревич**

Кандидат философских наук,
Институт высокотехнологичного права, социальных
и гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»,
124575, Российская Федерация, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1;
e-mail: atsignmaildotru@mail.ru

Аннотация

Актуализация далеко не исчерпанного потенциала русской философии для решения проблем сохранения интеллектуального наследия, национальной идентичности, обоснования специфики русской культуры, перспектив развития научного знания представляет собой важную задачу современной философии. Направленная в будущее, философия русского космизма утверждает гуманистические ценности, связанные с совершенствованием человеческих отношений, развитием творческого начала личности на основе применения научного подхода и технических достижений для изучения законов мироздания с целью обращения природных сил во благо человечеству. Важное место в этом процессе отводится духовно-эстетическому освоению Космоса, отраженному в учении представителей софиологии Серебряного века.

Для цитирования в научных исследованиях

Федоров А.И. Философия русского космизма: научный и религиозно-эстетический аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 2А. С. 47-54. DOI: 10.34670/AR.2023.44.85.035

Ключевые слова

Философия космизма, «цельное знание», философия всеединства, научные достижения, гуманизм, софиология, будущее человечества, творчество.

Введение

В трудах философов-космистов, к которым относят целую плеяду русских мыслителей – от В.Ф. Одоевского до В.С. Соловьева и К.Э. Циолковского – принято различать две линии – научную и религиозно-философскую, к которой через учение о Софии-Премудрости примыкает эстетика рубежа XIX–XX веков. Признавая такой подход, в то же время важно отметить, что эти две линии в учении каждого из представителей космизма находятся в тесном переплетении и взаимодополнении. В относительно «чистом» виде научные воззрения представлены лишь у В.В. Вернадского и К.Э. Циолковского, инженерная мысль которого опиралась тем не менее на солидный философский фундамент. Не ставя себе задачей в рамках небольшой статьи рассмотреть хотя бы и в избранном ракурсе сам феномен и эволюцию русского космизма в целом, остановимся на наиболее ярких примерах взаимодействия научной и религиозно-эстетической мысли в трудах его наиболее известных представителей.

Основная часть

Мыслитель-энциклопедист, писатель-романтик, стоявший у истоков формирования русской философии («кружок любомудров») и эстетики (журнал «Мнемозина») в России В.Ф. Одоевский органично сочетал как в своих теоретических изысканиях, так и в практической деятельности гуманистическую устремленность с поиском и определением научного обоснования исследуемого явления. Характерная для первой половины XIX века вера в прогресс, признание неоспоримой ценности достижений науки и техники для человечества в мировоззрении Одоевского были во многом обусловлены романтической идеей синтеза, а не разобщения научного знания, олицетворяемого в идеале цельной личности, самоотверженно исполняющей долг служения своей стране и человечеству в целом. По воспоминаниям современников, Одоевскому, государственному и общественному деятелю, «не была чужда» ни одна отрасль современного ему знания. При этом «юриспруденция и контрапункт, астрономия и гигиена, педагогика и гастрономия постоянно и совместно изучались им по источникам редким и малодоступным, и тщательно подбираемые им любопытные факты приводили его к неожиданным сближениям и обобщениям, иногда причудливым, часто проблематическим, но всегда возбуждающим мысль» [Янчук, 1906, 18].

В основу музыкальной эстетики Одоевского положено его убеждение в том, что музыка – не только высшее из искусств в иерархии видов искусства, но и «высшая наука». Будучи связанной, подобно поэзии и живописи, с философией и религией, музыка в то же время опирается на законы акустических явлений, представляющих собой «одно из применений математики» [Одоевский, 1868, 3]. Проникновение в сущность музыкального искусства, понимание возможностей его глубинного психологического воздействия на человека побуждали философа выступать в его защиту от легкомысленного к нему отношения, которое демонстрировала ищущая прежде всего развлечений салонная публика. Большая часть колоссального музыкально-критического наследия Одоевского посвящена проблемам воспитания вкуса, необходимости музыкального образования и создания серьезных исполнительских школ в России, изучения народных песен в их подлинном (аутентичном) звучании, утверждению важности научного исследования семивековой традиции древнерусского богослужебного пения (столповой или знаменный распев), на основе которого должно возникнуть будущее направление русской духовной музыки.

Профессиональные занятия музыкой, в области которой Одоевский выступал не только как

теоретик и музыкальный критик, но и как композитор, стимулировали его инженерную мысль. В области создания музыкальных инструментов Одоевскому принадлежат запомнившиеся современникам два изобретения – утраченный в 20-е годы прошлого века кабинетный орган «Себастианонь» (названный в честь И.С. Баха) с оригинальной клавиатурой (от силы нажатия на клавишу зависела сила звука) и энгармонический клавесин, изобретенный для «гармонических опытов» (в настоящее время находится в Национальном музее музыкального искусства в Москве).

Характерная для русского космизма устремленность в будущее проявилась у Одоевского в обращении к новому для его времени жанру научной фантастики. К сохранившемуся в набросках начатому в 1837–1839 годах роману «4338 год. Петербургские письма» писатель обращался на протяжении всей своей жизни, что позволяет составить представление о широте и приоритетах его научных интересов, а также о круге вопросов, интересующих близкое ему «пушкинское окружение». Немногие опубликованные страницы романа поражают не только смелостью взгляда на 2500 лет вперед, сбывшимися пророческими предсказаниями, но и тем, что на уровне тезисов содержат определения той тематики, которая будет разрабатываться философами-космистами следующего поколения. Объяснение данного положения содержится в утверждениях самого философа о том, что в «магнетической фантазии» его героя, заглянувшего в «сомнамбулическом сне» на 2500 лет вперед, нет ничего такого, «существование чего не могло бы естественным образом быть выведено из общих законов развития сил человека в мире природы и искусства» [Одоевский, 1987, 273].

К области предвидений будущих научно-технических достижений, основанных на анализе современного Одоевскому состояния научного знания, можно отнести, прежде всего, совершенствование средств передвижения по земле и в воздушном пространстве (почтовые и пассажирские гальваностаты и аэростаты). Для соединения континентов будут проложены подземные туннели (Гималайский, Каспийский), по которым «с быстротою молнии» будут «пролетать» поезда. Развитие воздушного сообщения, к которому, по мысли Одоевского, особенно склонны русские, приведет к тому, что будет найден «способ сообщения с Луною», которая будет служить «источником снабжения Земли разными житейскими потребностями», что предохранит Землю от гибели, грозящей ей по причине перенаселения. При этом каждый путешественник должен будет брать с собой «разные газы для составления воздуха, которого нет на Луне» [там же, 209].

Среди размышлений философа об организации научного знания, о судьбе книг, связанной с недолговечностью материального носителя («тряпичная бумага»), обращают на себя внимание замечания о том, что в будущем «переписка заменится электрическим разговором» и будет изобретена книга, в которой «посредством машины изменяются буквы в несколько книг» [там же, 302]. Кроме того, в описании будущего человечества, развитие которого невозможно без научно-технических достижений, Одоевский уделяет внимание расширению и совершенствованию человеческого разума («отучить ум от усталости»), изменению форм быта и проявления чувств, высказывает мысли о возможностях науки в сфере гуманизации отношений между людьми (устранении обмана и неискренности). Отдельной темой в неоконченном романе Одоевского проходит проблема климата и его изменения в более благоприятную для человека сторону, что особенно актуально для такой северной страны, как Россия. «Нельзя сомневаться, – уверяет философ, – чтобы люди не нашли средства *превращать климаты*, или по крайней мере улучшать их» [там же, 301]. Именно эта тема – противостояния и использования природных стихий (вулканы, ветер) – тема победы над разрушительными «слепыми силами природы» войдет важной составляющей в философию космизма Н.Ф.

Федорова.

Концепция «цельного знания» в гносеологии, характеризующая мировоззрение Одоевского (*non multum sed multa*), в области онтологии опиралась на философию всеединства, получившую разработку в трудах В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, С.Н. Булгакова и др. Согласно устоявшемуся мнению, интересующий нас религиозно-философский срез русского космизма исходит из представления о Боге как абсолютном начале и софийной основе бытия (софиология) [Голованов, Каракина, 1995, 240]. При этом София (греч. Σοφία – мастерство, знание, мудрость) понимается не только как Премудрость Божья, создающая мир, но и как идущая от Платона объемлющая творение «душа мира», как идеальное человечество (богочеловечество) и как идеальная личность. В эстетическом плане важно, что возникшее в Древней Греции в связи с именем Афины (Гомер) понятие Софии относилось к строительству, порядку, мастерству и искусству. На интерпретации Софии философами Серебряного века русской культуры сказалось также понимание ее в традиции Ветхого Завета. В итоге в своем отношении к Богу премудрость есть демиургическая творческая воля, «художница», по законам божественного ремесла строящая мир [Аверинцев, 2006, 396]. Вместе с тем софийность рассматривалась как главная черта русской духовности, как точка соприкосновения Логоса и материи, Душа Космоса.

В философии В.С. Соловьева наряду с известным мистическим началом его софиологии, отраженным главным образом в поэме «Три свидания» (Москва – Лондон-Египет, 1862-75-76) и стихотворении «DAS EVIG WEIBLICHE» (с нем. Вечная Женственность), существуют, как известно, понятийные формы Софии, представленные в трех произведениях: «Чтения о Богочеловечестве», «Россия и вселенская церковь», «Идея человека у Огюста Конта». София здесь мыслится в связи с понятием божественного Логоса как начала положительного и активного, содержащего в себе идею всеединства, и мировой души как пассивного начала, но обладающего возможностью реализации этой идеи в материальном множестве. Таким образом, София – это «рождение вселенского организма как воплощенной божественной идеи», «Слово, ставшее плотью» [Соловьев, 1994, 168, 201].

Софиология Соловьева, которая помимо названных тем содержит важную для искусства проблему красочного символизма, выражающего космическую сущность Софии-Премудрости, стала основой русской эстетики рубежа XIX–XX веков, обусловив не только ее понятийно-образное содержание, но и поэтическую «практику». «Символизирующие красоту в природе цветовые сочетания в стихах Соловьева – “розы над пеною белой», “пурпурный отблеск в лазурных волнах» – закладывают основы красочной симфонии поэзии символистов (особенно Вяч. Иванова, А. Блока и М. Волошина)» [Мещерина, 2017, 11]. Родственная раскрытию сущности космического огня тема Софии вошла в поэтическое пространство, прежде всего, благодаря философии и поэзии В.С. Соловьева, которая была продолжена впоследствии уже применительно к иконописи П.А. Флоренским и Е.Н. Трубецким. Именно в поэзии Соловьева «закрепляются» главные краски Софии: весь небесный «спектр», в котором преобладают «горящие» краски – лазурь (горящий синий) и рдяный, багряный, алый (горящие оттенки красного).

В софиологии П.А. Флоренского подчеркивается присущее русской средневековой эстетике единство премудрости и красоты: «София есть “сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа /.../” Только София, одна лишь София есть существенная Красота во всей твари; а все прочее – лишь мишура и нарядность одежды, и совлечется личность этого призрачного блеска при испытании огнем» [Флоренский, 1990, 351].

Соединение метафизики, математики, физики и других областей научного знания в трудах «русского Леонардо» позволили ему дать оригинальную интерпретацию красочного символизма Софии. Согласно Флоренскому, все видимые нами цвета с физической стороны представляют собой соотношение света солнца с той земной и отчасти небесной средой, которую наполняет единый свет. София в данном контексте мыслится как среда, придающая свету цветность, как «метафизическая пыль», первоисток мира, идеальная граница между творческой божественной энергией и «тварной пассивностью».

Наш глаз, по мысли Флоренского, воспринимает цветность в зависимости от движения к свету или от него. Фиолетовый и голубой цвета – это тьма пустоты, видимая нами сквозь освещенную солнцем атмосферную пыль. Это настраивающие душу на созерцание символы мировой души, духовной основы творения, образы умопостигаемого мира, границы между Светом – бытием и Тьмою-ничто. Розовый или красный цвета Софии мы видим при направлении от мира к Богу, как явление Бога на земле, как волну божественной энергии, стремящейся преодолеть тьму. Зеленый цвет как третье метафизическое направление, по утверждению Флоренского, представляет «райский аспект», в котором еще нет движения от света или к свету, это «уравновешенность света и тьмы», «свободное играние перед лицом Божиим» [Флоренский, 1922, 15-16].

Выдвижение на первый план гуманистической и нравственной сущности вселенского бытия человечества отличает философию создателя ракетодинамики и астронавтики К.Э. Циолковского. Его взгляды соединили в себе влияния не только античных авторов (особенно Левкипп, Сократ, Платон), на которых ученый указывает в начале изложения своей «космической философии», но и интерес к трудам Джордано Бруно, Декарта, монадологии Лейбница, Шопенгауэра, эволюционизму Дарвина-Спенсера, отдельным областям христианства и буддизма. Так, учение древних греков о макро- и микрокосме переплетается с рассмотрением жизни атома и человека, одинаково причастных к вселенскому единству (буддийский тезис «большое в малом», представления о духовности материи, идея «вечного возвращения»).

Циолковскому принадлежит оригинальная интерпретация буддийской нирваны, которая рассматривается в терминах силы, количества, качества (положительные или отрицательные свойства) и временной длительности ощущений, отраженных в соответствующих формулах. С учетом буддийского учения о равенстве всех живых организмов на земле, Циолковский исследует влияние чувств блаженства и страдания, их относительности и взаимодействия, а также вопросы о смысле жизни, о счастье и несчастье применительно не только к жизни человека, но и к жизни животных. При этом в начале своего экскурса ученый сообщает о той сфере, к которой относится его исследование: «На жизнь я смотрю, как на сон. С прекращением его начинается непостижимая жизнь. Она и сейчас есть, но как днем свет звезд заглушается ярким светом Солнца, так и эта вторая непостижимая жизнь может открыться только прекращением грубого материального света нашей жизни. Вот этот-то грубый свет я и пытаюсь разобрать и понять в настоящей статье» [Циолковский, 2018, 138].

Определяя в духе стоицизма метафизику и гносеологию как «подготовительные» ступени к третьей и главной части философии – этике, Циолковский отвергает крайности реализма (материализма) и идеализма-субъективизма. Его интересует познавательная роль разума, который, по его мнению, есть результат физического строения существа и функция мозга. Объявив себя сторонником «идеалистического эмпиризма», философ утверждает, что познания, вытекающие из наших чувств и разума (опыт и разум одинаково важны для приобретения

знаний), не дают нам тождественных представлений о Космосе. Используя зеркало как метафору отражения реальности, он делает вывод о том, что как разной формы зеркала дают разные отражения одного и того же, «так и мир, отражаясь в разных мозгах дает о нем несходные представления, но это не мешает миру (как предмету) быть постоянным» [там же, 12].

Все интересующие человеческий разум на протяжении многих веков проблемы онтологии и гносеологии, согласно «отцу русской космонавтики», представляют собой лишь постамент для этики как «оценки жизни», включающей в себя традиционно рассматриваемые религией сущностные вопросы бытия человека в мире – о ценности земной жизни и ее цели, о жизни до рождения и после смерти, нравственных критериях наших поступков. В сфере этики Циолковскому присуще стремление указать пути для развития такой нравственности, которая будут признана всеми по причине ее научной обоснованности, ставшей результатом изучения и освоения Вселенной.

Все предшествующие этические системы вызывают его критическое отношение в силу своей односторонности и, как следствие, отсутствия их общепризнанности. Переданная нам предками «интуитивная» (или врожденная) мораль, которую представляли древние философы, и прежде всего Платон и Сократ, была, по мнению Циолковского, близка к истине, но у других людей она не столь высока и поэтому справедливо многими отвергается. Более пригодным является путь решения этических задач «силою ума, знания и опыта», который становится все более совершенным по мере развития разума и знания. «Поэтому, – заключает ученый, – истинную мораль надо извлечь из естественных начал Вселенной, из ее общих законов и сделать ее, таким образом, убедительной и приемлемой для всех людей» [там же, 13].

Особое влияние, по мнению специалистов, на нравственную философию Циолковского имели идеи Н.Ф. Федорова, в главном труде которого «Философия общего дела» часто видят начало развития философии русского космизма. Циолковский в одном из своих высказываний отмечает патриотическую сторону учения Федорова, который в своей педагогической деятельности был создателем такого важного фактора воспитания, как краеведение. «Я, – признавался Циолковский, – преклоняюсь перед Фёдоровым. У нас в семье любовь к России ставилась на первое место, а Фёдоров был верным сыном России. Я часто повторяю его слова, ставшие мне известными не от него самого, а много лет спустя после его смерти: “Сама ширь земли русской способствует образованию богатырских характеров и как бы приглашает к небесному подвигу”» [Фёдоров, 2008, 4].

Заключение

В целом, при рассмотрении философии русского космизма обращает на себя внимание абсолютно гуманистическая его сущность, исключающая саму мысль о возможности какого бы то ни было противостояния в космосе или о применении научно-технических достижений во зло человеку. Отсутствуют также вопросы о войнах, совершенствовании орудий истребления людей и национальных различиях (лишь у Одоевского идет речь о России и Китае, о неискоренимой поэтичности русской души, делающей ее непонятной для иностранцев). В религиозно-эстетическом аспекте космическое будущее человечества мыслится как ставшее возможным на основе развития научного знания движение к пониманию положенных в основу мироздания непреходящих законов совершенства и красоты Вселенной, пробуждающее созидательную творческую энергию личности.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений. К.: ДУХ І ЛИТЕРА, 2006. 912 с.
2. Голованов Л.В., Каракина О.Д. Космизм // Маслин М.А. (ред.) Русская философия: словарь. М.: Республика, 1995. С. 239-240.
3. Мещерина Е.Г. Эстетика Серебряного века. М.: Мегapolis, 2017. 90 с.
4. Одоевский В.Ф. Музыкальная грамота или основания музыки для не-музыкантов. М.: Издательство Я.О. Орла, 1868. 27 с.
5. Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена: Повести, рассказы, очерки. Одоевский в жизни. М.: Московский рабочий, 1987. 399 с.
6. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. СПб.: Художественная литература, 1994. 528 с.
7. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. 752 с.
8. Флоренский П.А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов) // Маковец: журнал искусств. 1922. № 2. С. 14-18.
9. Флоренский П.А. Столп и Утверждение Истины. В 2 т. Т. 1(1). М.: Правда, 1990. 839 с.
10. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Э, 2018. 416 с.
11. Янчук Н.А. Князь В.Ф. Одоевский и его значение в истории русской церковной и народной музыки. М.: Типография К.Л. Меньшова, 1906. 19 с.

Philosophy of Russian Cosmism: scientific and religious-aesthetic aspects

Andrei I. Fedorov

PhD in Philosophy,
Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities,
National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology",
124575, 1 Shokina sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: atsignmaildotru@mail.ru

Abstract

Russian philosophy's far-from-exhausted potential for solving the problems of preserving intellectual heritage, national identity, substantiating the specifics of Russian culture, and prospects for the development of scientific knowledge is an important task of modern philosophy. The philosophy of Russian cosmism, aimed at the future, asserts humanistic values associated with the improvement of human relations, the development of the creative principle of the individual based on the application of a scientific approach and technical achievements to study the laws of the universe in order to turn natural forces for the benefit of humanity. An important place in this process is given to the spiritual and aesthetic exploration of Space, reflected in the teachings of the representatives of the sophiology of the Silver Age.

For citation

Fedorov A.I. (2023) *Filosofiya russkogo kosmizma: nauchnyi i religiozno-esteticheskie aspekty* [Philosophy of Russian Cosmism: scientific and religious-aesthetic aspects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (2A), pp. 47-54. DOI: 10.34670/AR.2023.44.85.035

Keywords

Philosophy of cosmism, "integral knowledge", philosophy of unity, scientific achievements, humanism, sophiology, future of mankind, creativity.

References

1. Averintsev S.S. (2006) *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Kiev: DUKh I LITERA Publ.
2. Fedorov N.F. (2008) *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of the common cause]. Moscow: Eksmo Publ.
3. Florenskii P.A. (1922) Nebesnye znameniya (Razmyshleniya o simbolike tsvetov) [Heavenly Signs (Reflections on the symbolism of flowers)]. *Makovets: zhurnal iskusstv* [Makovets: a journal of arts], 2, pp. 14-18.
4. Florenskii P.A. (1990) *Stolp i Utverzhdenie Istiny. V 2 t. T. 1(1)* [Pillar and Statement of Truth. In 2 vols. Vol. 1 (1)]. Moscow: Pravda Publ.
5. Golovanov L.V., Karakina O.D. (1995) Kosmizm [Cosmism]. In: Maslin M.A. (ed.) *Russkaya filosofiya: slovar'* [Russian Philosophy: Dictionary]. Moscow: Respublika Publ., pp. 239-240.
6. Meshcherina E.G. (2017) *Estetika Serebryanogo veka* [Aesthetics of the Silver Age]. Moscow: Megapolis Publ.
7. Odoevskii V.F. (1868) *Muzykal'naya gramota ili osnovaniya muzyki dlya ne-muzykantov* [Musical literacy or foundations of music for non-musicians]. Moscow: Izdatel'stvo Ya.O. Orla Publ.
8. Odoevskii V.F. (1987) *Poslednii kvartet Betkhovena: Povesti, rasskazy, ocherki. Odoevskii v zhizni* [Beethoven's last quartet: Novels, short stories, essays. Odoevsky in life]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
9. Solov'ev V.S. (1994) *Chteniya o Bogochelovechestve; Stat'i; Stikhotvoreniya i poema; Iz «Treh razgovorov»: Kratkaya povest' ob Antikhriste* [Readings on Godmanhood; Articles; Poems and poem; From "Three Conversations": A Brief Tale of the Antichrist]. Saint Petersburg: Khudozhestvennaya literature Publ.
10. Tsiolkovskii K.E. (2018) *Kosmicheskaya filosofiya* [Space philosophy]. Moscow: E Publ.
11. Yanchuk N.A. Knyaz' V.F. (1906) *Odoevskii i ego znachenie v istorii russkoi tserkovnoi i narodnoi muzyki* [Odoevsky and its significance in the history of Russian church and folk music]. Moscow: Tipografiya K.L. Men'shova Publ.